

Фрагмент из романа

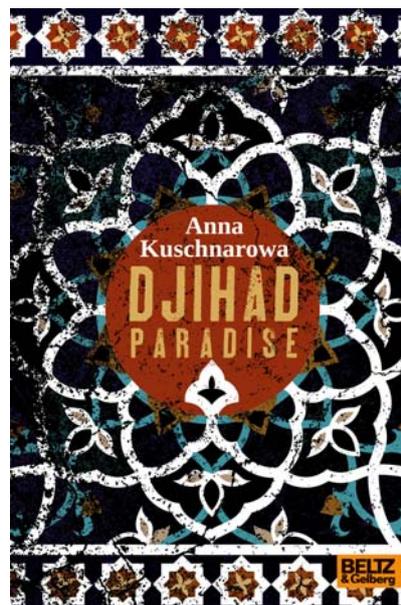
Anna Kuschnarowa
Djihad Paradise

Beltz & Gelberg, Weinheim/Basel 2013
ISBN 978-3-407-81155-4

C. 229-240

Анна Кушнарова
Рай на пути к Аллаху

Перевод Анны Королевой
Редактор перевода Мария Зоркая

Главный день моей жизни. Мы с Ромеей по очереди произнесли шахаду, и невыносимое чувство свободы охватило меня. Отныне я не кафир Юлиан Энгельманн, я Абдель Джаббар, слуга Аллаха всемогущего.

А теперь я ещё и женюсь. У меня получилось. Мне только девятнадцать, а я уже нашёл то, что другие ищут всю жизнь и не находят. Я – скала в полосе прибоя. Со мной всемогущий Аллах, а значит, всё будет хорошо, и через несколько минут я навсегда соединю судьбу с женщиной моей мечты. Круто.

Если Аллах с тобой, то нет над тобой победителя, сказал наш имам. И он чертовски прав. Конечно, прав. Не зря же он долгие годы учился.

Тут вошёл Зайхан, опекун Ромеи в общине, он подписывает за неё свидетельство о браке. Пришёл и наш имам Мустафа Метвалли, он ещё раз просмотрел свидетельство: всё ли соответствует шариату? Пришёл и Саад, свидетель Ромеи, тоже из общины. Почему имам вообще назначил его свидетелем? Пронырливый хорёк, всё вынюхивает, он настоящий шпик, он непременно окажется у тебя за спиной, особенно когда не ждёшь. Я старался отвлечься, не злиться на него. Лучше посмотреть на Мурата, свидетеля с моей стороны, хотя тот переминается с ноги на ногу и явно чувствует себя неловко. Нервничает, но почему? Не понимаю. Мог бы и порадоваться, что у лучшего друга свадьба.

Разозлиться на Мурата я не успел, имам протянул свидетельство для подписи, чуть дрожащей рукой я вывел внизу своё имя и передал папку опекуну Ромеи. Брачный договор заключён. И снова ко мне обратился имам, произнёс что-то по-арабски, я ни слова не понял, но повторил, и он направился в другой конец мечети, где вместе с Ширин и ещё одной женщиной стояла в ожидании Ромея. Имам и ей что-то пробормотал, она повторила, всего-то минут десять – и мы женаты.

Круто. Как быстро всё может перемениться! Правда, я чуточку разочарован. Свадьба мне представлялась какой-то более

торжественной. Да какая разница. С Ромеей я останусь до конца моих дней. Как я и хотел. Подумать только: ещё год назад жизнь была просто отстой, теперь же я – на пути к Аллаху. Настоящий мужчина вместе с настоящей женой.

И вот началось застолье. Праздновали мужчины, и женщины праздновали тоже. Я, словно в дурмане, никак не мог дождаться окончания праздника. Уже два месяца мы с Ромеей не оставались наедине.

Комнату, где с первого дня в общине жили мы с Муратом, отныне я буду делить с Ромеей.

– Ну, отлично. А как же я? Мне теперь с кем жить, а? – за день до свадьбы Мурат забеспокоился.

– Ничего, не умрёшь, – ухмыльнулся я.

– К твоему храпу я хотя бы привык, – сказал Мурат.

– Может, просто порадуешься за меня? Старик, мы с тобой лучшие друзья, или кто? – пошёл я в наступление.

Мурат поглядел на меня долгим взглядом, значения которого я не понял. Посмотрел на него вопросительно, и мне показалось, что ответа я ждал целую вечность.

– Да, – он вздохнул. – Ты прав, приятель. Я твой друг. Лучший друг.

Я протянул руку, Мурат помедлил, но «отбил пять», собрал своё барахло – теперь место для Ромеи свободно.

Наконец, всё позади. Примостившись на краю кровати, я ждал, просто ждал. Странно, что я так волнуюсь, будто Ромея чужая мне, хотя мы вместе уже больше года.

Когда дверь, наконец, открылась, на секунду мне и впрямь почудилось, будто вошла чужая женщина. И непривычные рисунки менди на её теле, и платок на голове для меня ещё внове. Ширин проводила её до дверей, обняла на прощание. Ширин уже ушла, а Ромея всё стояла в дверях, обводя взглядом комнату.

Сердце взбунтовалось в грудной клетке, справиться с ним никак не получалось, поднявшись, на ватных ногах я приблизился к

ней. Вот мы рядом – бывшие Юлиан и Ромея. Стоим друг против друга, но что-то переменялось, и это новое сбивает с толку. Хотел было обратиться к ней: Ромея! – но почему-то не сумел назвать эту женщину прежним её именем. Неужели мы так сильно изменились за два месяца?

Не отрываясь, смотрели мы друг на друга. Наконец, я не выдержал и осторожно снял платок с её головы. Густые волосы рассыпались по плечам, Ромея улыбнулась.

– Боюсь, будет трудно поначалу называть тебя Абдель, – сказала она.

Я возразил:

– А я, наоборот... кажется, я не могу больше называть тебя Ромея.

Она бросила на меня вопросительный взгляд, и я рассмеялся.

– Что ж ты смотришь с испугом, ведь так и должно быть, разве нет? Мы же сами хотели измениться.

Шания улыбнулась и кивнула.

– Хотели, Юли... Абдель.

Её руки под моей рубашкой. Всё вдруг стало ясно. Абдель и Шания, такой яркой истории любви эта община ещё не видела.

В первую брачную ночь окончательно исчезла Ромея Ахенбах, благодаря Абделю я теперь Шания, и только Шания. Не могу сказать, что сожалела о Ромее. Мне и без неё неплохо жилось. Серьёзно. Я нашла своё место рядом с человеком, которого любила, с людьми, которые всегда мне рады. Да, жизнь моя проста и тиха, но к чему завоёвывать мир, если мне и здесь хорошо?

Абдель – мужа прекраснее, чем он, и представить себе невозможно. Правда, время он проводил в основном с другими мужчинами, обсуждая какие-то важные вопросы, но со мной он – само воплощение нежности.

Я произнесла шахаду и с тех пор неразрывной пуповиной связана с самим источником жизни, я чувствую Аллаха, каждый миг я ощущаю его присутствие, я исполнена им. Преисполнена до самой последней клеточки. Вмиг всё обрело смысл, вмиг я увидела мир, каков он есть, истинный мир. Ясным и красивым предстал он мне. И помыслы мои отныне чисты, как горный ручей, прозрачны как хрусталь, а притом – остры как лезвие бритвы, мне под силу преодолеть любое искушение. Даже смешно теперь вспомнить, до чего безвольной я была! Как легко я купилась на дешёвую обёртку этого мира. И вот, наконец, я освоила собственную роль. Я сильна, но по-иному понимаю свою силу. Мне хватает и мудрости, и гордости, что я мусульманка. Странно, вроде и не так давно я здесь, но прежняя жизнь порой кажется такой далёкой, будто я и не жила вовсе.

Я полностью вошла в новую роль. Что было, то прошло. Исчезло в недостижимом, далёком прошлом. Все нити разорваны. Кончено.

Как вдруг однажды, месяца через три после свадьбы, пришёл мой опекун Зайхан.

– Там на улице люди стоят, уверяют, что они твои родители.

– Кто? – переспросила я. – Мои родители?

Точно. У меня ведь есть родители. Точнее, были. Когда-то. В бесконечно далёком прошлом Ромеи Ахенбах.

– Уже несколько дней подряд приходят, хотят с тобой поговорить, – пояснил Зайхан.

Я запаниковала. Как они нашли меня? Что им тут нужно? Ведь столько времени прошло.

– Скажи им, пусть уходят.

– Так я и пытался! Но уж больно они настойчивые.

Паника всё нарастает и вдруг валом накатывает на меня, словно хочет увлечь за собой.

– Мне всё равно. Сделай так, чтобы они ушли, – умоляюще я взглянула на него. – Прошу!

– Ладно, – пообещал он, направляясь к двери.

Сердце пустилось в галоп, остановилось, застучало снова. Систола, систола, диастола, тишина, ничего, систола, тишина. Ничего. В ушах шумело. Ну, зачем они пришли? Да ещё и сейчас? Я пыталась понять, почему они не отыскивали меня раньше. Они вроде сообразительные. Или снова вычитали в одной из своих расчудесных книжек по воспитанию, что следует просто подождать, всё равно сбежавшие дети рано или поздно, поджав хвост, вернуться в отчий дом? Долго им придётся ждать. Неужели не поняли, что мне куда лучше без них? Можно ли быть такими эгоистами?

Разозлившись, я подошла к окну и приподняла штору. Вот они, стоят на улице. Сюзанна Ахенбах и Михаэль Ахенбах. Лица искривленные, решительные: мы намерены вернуть свою дочь! А вокруг толпа людей. Журналисты. Вспышки камер. Имам спокойно объясняет им что-то. Отец будто в припадке истерики размахивает руками. Хаким прикрывает ладонью объектив камеры. Мохаммед загораживает дотошным журналистам вход.

Я опустила занавеску, так хотя бы этой сцены не видно, и на том спасибо. Надеюсь, в дом родителей не пустят. Только их тут не хватало. Голова закружилась, или это весь мир кружится, всё быстрее и быстрее? Карусель разгоняется, в любую секунду я могу слететь с сиденья и с треском грохнуться на асфальт. В висках стучало, почти ослепнув от боли, я ошупью вернулась в комнату и только успела войти – хлоп в обморок.

– Шания, милая!

Слышен голос как будто издалека. Голос Абделя.

– Очнись!

С трудом я пришла в себя. Прошептала:

– Они здесь.

– Кто? Кто здесь? – спросил он.

– Мои родители.

– Спокойно, милая. Ты не обязана говорить с ними, если не хочешь. Мохаммед и Хаким никого не пустят.

Я поднялась.

– Знаю. Просто... Им вообще незачем приходить сюда. Я с ума сойду, если они будут караулить возле дома.

Абдель поцеловал меня. Затем уложил на кровать, принёс чаю.

– Слушай, давай я поговорю с ними завтра?

– Правда? Поговоришь?

Он улыбнулся и кивнул.

– Конечно. Это ведь ради тебя. А ради тебя я на всё готов.

На другой день, когда родители опять устроили акцию протеста у дома общины, Абдель в самом деле спустился к ним. Из-за шторы я наблюдала сцену внизу. Стоило Абделю появиться, Сюзанна и Михаэль Ахенбахи накинулись на него, словно фурии. Я не слышала ни слова, но смотреть, как они нападают на Абделя, было выше моих сил. Вдохнуть поглубже. Выбора нет, придётся спуститься к ним.

Только я вышла, они отскочили от Абделя и оба уставились на меня. А я на них. Что мне было делать? Будто сговорившись, они разом бросились ко мне. И вдвоём на мне повисли, как же неприятен был этот физический контакт – свинцовые гири прошлого! – только я и сумела, что замереть, подавить в себе протест. Но они скоро отпустили меня, хвала аллаху.

Женщина, которая прежде была моей матерью, внимательно рассматривала меня. На её лице отображался ужас.

– Доченька, что с тобой? Такая красавица была, а сейчас... Не платье, а мешок какой-то, платок на голове. Даже не сразу тебя узнала.

Я молчала.

– Почему ты с нами так?.. Сбежала, ни слова не сказав. Разве мы это заслужили? Ты бы знала, что мы пережили в последние месяцы!

Вот опять. Вечно они только о себе.

– Вас не переубедишь, но у меня всё хорошо. Гораздо лучше, чем жить с вами, по вашему расписанию.

Недоумевая, родители не сводили с меня глаз.

– Ромея, пойдём домой! – воскликнул человек, который прежде был моим отцом.

Как ему такое в голову взбрело?

– Мой дом – здесь.

Родители переглянулись.

– Наверно, вы ещё не знаете, но мы с Абделем, то есть мы с Юлианом, поженились, и мы счастливы, – попыталась я объяснить.

Сюзанна Ахенбах недоверчиво покачала головой.

– Ты... Ты приняла ислам? Ты вышла замуж? Как же так? Тебе ведь только семнадцать!

– И что?

– Я просто не понимаю... Почему? – спросила она.

– Потому что я счастлива, – ответила я.

– Счастлива? Счастлива?! – гневно закричал отец. – Скажи ещё, что вот это, – он указал на платок, – это твоё счастье. Что они с тобой делали? Пичкали наркотиками? Может, грозились убить, если скажешь правду?

Отец тряс меня, схватив за плечи. Телевизионщики крутились рядом и, конечно, всё засняли.

– Не обижайтесь, просто оставьте меня в покое, так будет лучше.

Родители показались мне совсем чужими людьми. Поверить не могу, что ещё полгода назад я жила с ними под одной крышей.

– Михаэль, отпусти её, – вмешалась моя бывшая мать.

– И не подумаю! Её же будто подменили! Это не наша Ромея. Наверно, накачали её наркотиками или промыли мозги, или ещё что

сотворили! Немыслимо! – в ярости он указал на имама и остальных. – Я не позволю этим террористам отнять у меня дочь!

– Не волнуйтесь. У меня всё хорошо. Даже очень, – сказала я и пошла назад к дому.

Великолепно. Эту сцену наверняка покажут по телику. Пусть семейство Ахенбах пересматривает её снова и снова. Может, тогда до них дойдёт.

Я ещё успела заметить, как отец рвётся штурмовать дом общины, а Абдель, Хахим и Мохаммед преграждают ему дорогу.

Ромеи больше нет. И слава Аллаху.